

© 1996 г., ЭО, № 5

В. Е. Баглай

## РЕМЕСЛО У ДРЕВНИХ АЦТЕКОВ

Для того чтобы понять, оценить ту или иную древнюю цивилизацию, нужно знать не только историю войн, которые она вела, имена ее вождей, царей или полководцев. Значительную, если не большую долю правдивой информации о такой цивилизации можно получить, изучая ее материальную культуру, поскольку без нее не было бы ни вождей, ни царей, ни великих героев-полководцев. Разумеется, это касается и древних ацтеков.

Действительно, анализируя материальную культуру древнеацтекского государства, важно отметить, что такая ее сфера, как ремесленное производство, занимала весьма значительное место. Здесь было налажено и производство керамики, и деревообработка, и кожевенное дело, и многое другое, что было известно в других древних обществах.

Общеизвестно, что важнейшим показателем уровня развития общества является использование металла в структуре хозяйства. Источники показывают, что для обогащения руды и очищения металлов (ацтек. *tlachipaualiztli*) в древней Мексике использовали свой вариант горна (параллельный материал по индейцам тараскам из Мичоакана показывает, что они плавил руду либо в глиняных жаровнях, либо в специальных ямах). Огонь разжигали, вдвывая воздух через трубки, вставленные в отверстия. Получаемый на дне горна металл подвергали затем повторной или даже троекратной обработке и очищению<sup>1</sup>.

Таково самое общее описание этих процессов. Более конкретно получение металлов, работа с ними предполагали использование двух хорошо известных и в Старом Свете способов — холодной и горячей обработки.

Мастер, который занимался холодной обработкой металлов (или с нагревом), назывался «коваль», «металлокузнец» (ацтек. *teocuitlatzontzonqui*). Развитый инструментарий у таких мастеров отсутствовал, однако, ювелиры, например, используя один камень как молот, а другой как наковальню, могли изготавливать пластины нужной толщины и размера. Из этих пластин — золотых, серебряных, медных — делали затем разные предметы. Таким же способом могли обрамлять в металл драгоценные и полудрагоценные камни (к примеру, нефрит, считавшийся у многих мексиканских народов священным из-за своего зеленого цвета — символа плодородия)<sup>2</sup>.

Горячая обработка металлов основывалась на использовании гипсоформ и литья. Занимавшихся этим ремеслом называли «металлолитейщиками» (ацтек. *teucuitlapitzque*, или *tlatlaliarime*). Здесь использовалась классическая техника «потерянного воска», которая описана различными раннеколониальными авторами, в том числе самым знаменитым из них — Б. Саагуной. После освобождения готового изделия из формы мастер удалял шероховатости на нем путем полировки специальным песком. Затем он помещал изделие в ванну, которую делали из предварительно растертых и разведенных квасцов. В результате этих операций золото становилось блестящим и «очень желтым»<sup>3</sup>. Мексиканское золото содержало значительное количество примесей серебра, которые выводили с помощью ванны (при современной технологии серебряная примесь обычно отделяется благодаря использованию сильных кислот). Аналогично поступали с серебром, медью.

Мастера умели делать сплавы, в частности бронзовые, добавляя олово или мышьяк. При этом содержание олова или мышьяка достигало 23%, хотя достаточно было всего 5—10%. Добавляли больше, чем требовалось, потому, что с повышением их доли сплав становился блестящим, как золото или серебро<sup>4</sup>. До недавнего времени высказывались сомнения насчет того, что древние мексиканцы знали бронзовые сплавы<sup>5</sup>. Однако археологические данные, полученные в середине XX в., свидетельствуют о наличии у ацтеков бронзовых изделий (в частности, в виде бубенчиков). На предметы из олова указывали ранние европейские авторы. Так, покоритель ацтеков Э. Кортес писал, что индейцы использовали кусочки олова «как монеты»<sup>6</sup>.

Делали также медно-серебряные, медно-золотые изделия и изделия из электрона — сплава золота и серебра<sup>7</sup>. Сплав меди с золотом или серебром, а также меди с оловом применялся при изготовлении топоров, сверл, зубил<sup>8</sup>. Кстати, в раннеколониальный период индейские мастера проводили различие между так называемой красной и черной медью. Определение «красная медь» использовали с целью отличить медь от железа, которое ацтеки после знакомства с ним (благодаря испанцам) называли «черной медью»<sup>9</sup>.

Мастера знали технику золочения, паяния, филиграни (возможно, ложной, так как тонкие полоски на поверхности являлись результатом отливки, а не напайвания), полирования, чеканки. В последнем случае на чистую отполированную поверхность изделия наносили контур рисунка, который затем чеканили с помощью кремнивого острья. Среди мастеров существовала специализация: одни занимались обработкой золота и серебра, другие — меди. Золотых и серебряных дел мастера — это «те, кто владеет настоящим способом получения металла» (ацтек. *teucuitlahua*), или «тот, кто плавит медь» (ацтек. *teucuitla pitzqui*). Работавший с медью — это «тот, кто распорядился медью» (ацтек. *tezupitcac*), или «тот, кто плавит медь» (ацтек. *tezupitzqui*). Но наиболее привычным было первое название (особенно по отношению к ювелирам)<sup>10</sup>.

Если обратиться к источникам, то в них упоминаются самые разные предметы из благородных металлов: фигурки богов, серебряные сосуды, золотые цепочки, диадемы с украшениями из камней, золотые украшения на обуви, золотые и серебряные браслеты с прикрепленными к ним бубенчиками, жезлы, сосуды для напитков с украшениями в виде фигурок животных, большие и малые жаровни для воскурений, воинские знаки отличия и др.<sup>11</sup>. Из меди или с использованием отдельных деталей из нее делали топоры, мотыги, кирки, тесла, шила, резцы, паяльные трубки, бубенчики, иглы, наконечники стрел и копий, броши, жезлы, рукоятки, булавки и др. Перечисленные выше предметы (по данным источников) дают, как думается, право не согласиться с утверждением, что из металла делали главным образом предметы ритуального назначения или что металлообработка не имела большого значения в ацтекской экономике<sup>12</sup>.

В действительности эта отрасль ремесла поставляла обществу необходимые орудия труда, украшения, предметы ритуального назначения. Как писал один из испанских конкистадоров, видевший такие вещи, золотых дел мастера умели создавать такие изделия, какие могли возбудить зависть даже их испанских собратьев по ремеслу<sup>13</sup>. Авторы XVI в. сообщали об искусно сделанных местными мастерами золотых рыбах с серебряной чешуей, а также птице, двигавшей головой и крыльями, обезьяне, забавлявшейся игрушкой, и др.<sup>14</sup>. Хотя верить буквально данной информации едва ли стоит, ибо в таком случае надо было бы признать в ацтеках великих механиков древности. Впрочем, сама по себе эта информация более чем примечательна.

Следует напомнить также, что подавляющее большинство как золотых, так и серебряных изделий ацтеков оказались уничтожены в плавильных печах колониальной Мексики и Испании. Лишь незначительная, точнее, мизерная часть произведений искусства дошла до наших дней. Среди них прекрасное золотое нагрудное украшение весом в четверть килограмма, которое хранится в Эрмита-

же. Оно поступило туда в середине 20-х годов нашего века из мексиканской коллекции Строгановых.

В ювелирном искусстве использовались драгоценные и поделочные камни. Однозначную оценку таким изделиям ацтеков дать трудно, поскольку, по утверждению одного раннеколониального автора, мексиканцы обрабатывали камни хуже, чем это делалось в Европе<sup>15</sup>. В то же время, по утверждению другого автора, они, напротив, отличались большим умением шлифовать и обрабатывать камни<sup>16</sup>. Сохранился перечень основных ювелирных украшений из камня: вставки в уши и нижнюю губу из зеленых камней (особенно ценился изумруд), нефритовые и бирюзовые бусы на запястья<sup>17</sup>.

Искусство инкрустации, очевидно, ведет начало от предшественников ацтеков и тольтеков и также было известно мастерам. Мозаику делали с использованием бирюзы, яшмы, малахита, обсидиана, пирита, раковин, коралла; в качестве основы использовали дерево, камень, кость. Мозаику могли составлять и из разных сортов дерева. Вещи инкрустировали также золотом и серебром. Особенно популярной инкрустация была при изготовлении оружия и воинских принадлежностей<sup>18</sup>.

Что касается географии распространения ремесла, связанного с обработкой металлов и камней, то из районов ацтекского государства самыми развитыми в этом отношении были территории нынешних мексиканских штатов Веракрус, Герреро и особенно Оахаки. Изделия миштекского и сапотекского населения из драгоценных металлов не могли сравниться ни с какими другими. В Мексиканской долине славились золотых и серебряных дел мастера из г. Аскапотсалько. Даже в XVI в. испанцы продолжали называть его «город серебряных кузниц». Изделия из Аскапотсалько входили в список выплат короне. Через рынок, в том числе международный, сравнительно богатый набор изделий из металлов в древности циркулировал по всей территории Мексики.

Несмотря на складывание культуры обработки металлов, главные орудия труда, а также важнейшие детали оружия делали преимущественно из камня. К примеру, такой предмет утвари, как терка для измельчения маиса (ацтек. *metlatl*), был из камня. Основным считался обсидиан, но использовали и кремнь (гагат, черный янтарь) для изготовления ножей (обычно с деревянной ручкой). Часть таких ножей (скальпелей) использовали в ритуале. Мастер тщательно шлифовал лезвия с обеих сторон, так как знал, что если оно не будет «гладким, как железо», то станет крошиться и трескаться. Камень обрабатывали, используя технику скола, сверления, полирования. Могли обрабатывать разные виды камней до зеркального блеска, используя специальный песок. Камень добывали в каменоломнях с помощью деревянных кольев<sup>19</sup>.

От ацтеков не сохранилось значительных памятников архитектуры. Причина этого — тотальные разрушения, которые сопровождали завоевание Америки испанцами. В особенности это коснулось столицы г. Теночтитлана. Тем не менее данные археологических и письменных источников показывают, что этот народ был неплохим строителем, опыт и навыки которого восходят к более древним культурам. В строительстве использовались земля, необожженный кирпич, камень, обожженный кирпич, песок, известь, дерево (кедр и сосна, особенно при отделке дворцовых и храмовых сооружений), а также на шести и горбыли при строительстве хижин), солома, стебли агавы<sup>20</sup>.

К строительным профессиям относились каменотесы, каменщики, плотники. В источниках упоминаются также и печники. При крупном государственном (дворцовом, храмовом) строительстве учитывались специализация и профессиональное разделение труда (так возводили, например, главный храм Теночтитлана). За строительством наблюдали специальные должностные лица (ацтек. *calmimilolcatl*), контролировавшие соблюдение основных строительных правил<sup>21</sup>.

По сообщениям источников, в доиспанский период гражданские сооружения, в том числе жилые дома, отличались разнообразием. Если жилище бедняков было скромным, а иногда просто жалким, то у богатых и знатных оно отличалось добротностью и нередко возводилось из камня, а также известняка. Принципы

местного строительства, его традиции после Конкисты сохранились в архитектуре жилищ рядовых индейцев. Дом рядового общинника — это однокамерная прямоугольная хижина с небольшим дверным проемом.

В Теночтитлане, построенном на острове, некоторые дома могли иметь два выхода — один на улицу, другой на воду. Такое наблюдалось и в других островных поселениях, особенно на юге озер Мексиканской долины. Большинство домов делали из доступных материалов — жердей, горбыля, соломы, агавы, глины. Крыша была плоской, чаще крытой листьями агавы (по принципу укладки черепицы). Камень был менее доступен, поскольку кладка из него требовала раствора с известью, а добыча ее осуществлялась не везде. В домах не имелось вентиляционных отверстий, поэтому воздух в помещениях застаивался. Стены обмазывали или оштукатуривали смесью глины или извести с песком. Пол делали из измельченных вулканических пород. Дома кроме того белили, подкрашивали или даже разрисовывали <sup>22</sup>.

Естественно, дом правителя (ацтек. *tespan*) был значительно больше домов рядовых жителей. О дворце последнего из доиспанских правителей Мотекусомы II Младшего, разрушенном при взятии Теночтитлана конкистадорами, сообщалось, что, не зная расположения помещений в нем, можно было даже заблудиться. Дворец представлял собой комплекс внутренних и внешних дворов и двориков, а также крытых помещений различного назначения. По одному из описаний дворец имел 20 входов (видимо, главных дверей) <sup>23</sup>. Дворец Несауалькойотля, правителя г. Тескоко — важнейшего города древнеацтекского государства, — имел, по сообщениям письменных источников, более 300 различных помещений <sup>24</sup>: от покоев до оружейных складов, что вполне соответствовало общемировым архитектурным нормам древности.

Поскольку в процессе завоевания Теночтитлана город буквально исчез с лица земли, можно только на основании письменных источников воссоздать и другие архитектурные принципы. Если судить по ним, то при сооружении зданий использовали систему арок, лестниц, в том числе и деревянных. Теночтитлан — островной город, поэтому, чтобы избежать сырости, поднимали первые этажи до уровня бельэтажа <sup>25</sup>.

При строительстве богатых дворцов использовались дорогие материалы типа яшмы, порфира, «белого камня», «черного камня» с «красными прожилками». Крыши настилали из кедра, кипариса, пальмы, «пинии» и некоторых других видов деревьев. Декор делали разный, в том числе в виде изображений зооморфных существ. В холодную погоду помещения дворцов обогревались с помощью жаровень, в которые клали угли из коры особого дерева, горевшего без дыма и с весьма приятным запахом. Испанский солдат Б. Диас, соратник Э. Кортеса, видевший такую систему отопления в покоях Мотекусомы II, писал, что перед открытым огнем были установлены специальные золотые ширмы с изображениями богов <sup>26</sup>.

Внутреннее убранство помещений различалось в зависимости от их назначения. Помещения дворца для торжественных и официальных приемов обивали богатыми тканями и украшали изделиями из перьев. Освещались дворцы с помощью светильников, напоминавших лучины из соснового сучка или щепки (ацтек. *ocotl*) <sup>27</sup>.

В Теночтитлане имелось много домов местной ацтекской знати, а также знати провинциальной, т. е. неацтекского происхождения, обязанной в течение определенного времени жить в столице (скрытая форма заложничества). Центр столицы украшали различного рода общественные здания, в которых решались проблемы жителей городских кварталов. В возведении этих общественных зданий повторялись, по всей видимости, архитектурные принципы, характерные для жилых зданий.

Одним из специфических примеров древнеацтекских сооружений являлись паровые бани (ацтек. *temazcal*). Они были в Теночтитлане столь же обычны, как храмы или хижины бедняков. Примечательно, что паровые бани в провинциях нередко строят до сих пор. Как древние, так и современные ацтекские бани варьировали в размерах и деталях в зависимости от рангов и материальных

возможностей их владельцев. Однако неизменными оставались несколько основных принципов их строительства.

Баня представляла собой строение с небольшой дверью и очагом, причем настолько низкое, что в нем нельзя было встать в полный рост. Банщики нагревали помещение, а затем обливали изнутри стены водой, вызывая испарение. Такие паровые бани использовались не только в гигиенических целях, но и в медицинских, в частности, при простуде. Не очень жаркую баню принимали даже беременные женщины накануне родов. Парились, используя листья кукурузы или иных специальных растений. В некоторых случаях пар сочетался с обливанием холодной водой. Состоятельные имели даже специальных банщиков — обычно горбунов или карликов<sup>28</sup>.

Завоеватель Теночтитлана Э. Кортес отмечал, что в городе было «много храмов», «домов богов», «зданий очень красивых». Храмы назывались теокалли (ацтек. *teocalli* — «дом бога»). Все они строились практически по одному плану и различались лишь размерами. Кроме храмов в городе имелись часовни, где путешественники могли совершать те или иные обряды<sup>29</sup>. Храмовая территория обычно представляла собой прямоугольной формы двор, размеры которого зависели от масштабов храма и величины поселения, где он возводился. Если основываться на самых ранних свидетельствах очевидцев, в больших городах расстояние от одного угла храмовой территории до другого соответствовало расстоянию «выстрела из арбалета», а в малых поселениях и городках — «длине полета стрелы».

Храмовую территорию окружали каменной стеной. В центре ее сооружали квадратное основание (платформу), стены которого делали из камня (чаще — из известняка), а внутреннее пространство заполняли землей и щебнем. Размеры основания, например, главной пирамиды Теночтитлана, называют разные. По одним данным оно имело по диагонали около 70 м, по другим размеры сторон основания пирамиды, исчисляемые шагами, были 150×120. Такую платформу поднимали на высоту в два человеческих роста. Затем, оставив проходы по краю (шириной в два шага), которые с трех сторон окаймляли всю платформу (по четвертой прокладывали вверх лестницу), возводили следующую платформу меньших размеров (и опять высотой в два человеческих роста). Так продолжали возводить строение до тех пор, пока лестница не достигала 120—140 ступеней. На самой верхней площадке ступенчатой пирамиды возводили помещение алтаря. Есть сообщение, что алтарь мог достигать высоты в 10—12 человеческих ростов<sup>30</sup>.

Храмовая территория обычно была связана с почитанием нескольких богов. Соответственно возводилось несколько платформ, размеры которых варьировали в зависимости от значимости богов. В Теночтитлане в пределах храмового комплекса находилось 12—15 алтарей для «демонов», а на территории только главного храма Теночтитлана, посвященного племенному богу ацтеков Уитсилопочтли и богу дождя Тлалоку, было более 20 «башен»-храмов поменьше. В каждом из храмов имелись помещения для жречества, а иногда источники и «купальни». В помещении главного храма Теночтитлана без помех друг другу могли разместиться 1000 человек. Как при главном, так и при местных храмах возводились помещения школ, где в течение одного-двух лет раздельно обучались юноши и девушки.

В Теночтитлане стена главного храма имела четыре входа. Во времена Мотекусомы II возле каждого из них были построены специальные помещения, где находились склады оружия, принадлежащие охране правителя (его дворец примыкал к территории главного храма)<sup>31</sup>. Главный храм неоднократно перестраивался и обновлялся еще в доиспанский период. В 1522 г. Теночтитлан был разрушен конкистадорами. Начиная с XVI в. возникли споры о месте, где находилась главная святыня древнеацтекского государства.

Кроме собственно храмов и различных сооружений при них имелись архитектурные конструкции военно-религиозного назначения — так называемые стадионы для игры. Современные стадионы в основном повторяют принципы строительства этих каменных сооружений. Правда, вместо ворот древние стадионы для игр имели две высокие каменные стены, возводившиеся на противо-

положных друг от друга сторонах. К ним были прикреплены по одному каменному кольцу типа современных баскетбольных корзин, но без сетки и, что важно, расположенные не горизонтально, а вертикально.

Во время турнира между игроками двух команд, а именно столько их выходило на поле, следовало забить каучуковый мяч в каменные кольца. Причем правилами запрещалось играть руками и ногами, а разрешалось играть лишь бедрами, коленями, плечами и ягодицами. Сама игра носила ритуальный характер. По некоторым версиям, круглый мяч, перемещавшийся вместе с игроками от одного кольца к другому, символизировал движение Солнца по небу. Эта игра являлась составной частью системы физического воспитания и подготовки воинов.

Планировку городов можно проанализировать на примере Теночтитлана, где самобытное, традиционное древнеацтекское строительное ремесло получило наиболее яркое воплощение. Город достигал в периметре 10—16 км и представлял в плане крест, который делил Теночтитлан на четыре большие части. Перед испанским завоеванием в городе было два главных центра — рынок (в северной части, в районе, известном как Тлателолько) и площадь главного храма. Как островной город Теночтитлан находился на расстоянии около 1 км от западного берега оз. Тескоко. Войти в него с материка можно было только по специально построенным дамбам. Б. Диас, одним из первых вошедший в город вместе с Э. Кортесом и его отрядом, писал, что таких дамб было три, и они шли на юг (в Истапалапу), на север (в Тепеаку) и на запад (в Тлакопан). Тот же Диас сообщал, что дорога в Истапалапу — «прямая, как стрела» — была шириной в восемь шагов.

Кстати, именно через Истапалапу испанцы впервые вступили в Теночтитлан в 1519 г., а спасались, спешно покидая город, через западную дамбу. Улица и дамба западного направления была длиной в 0,5 лиги, южная — в 2 лиги, северная — в 1 лигу. Э. Кортес, однако, сообщал, что Теночтитлан имел четыре входа и четыре «главные дороги» шириной в два копья. Такая противоречивость находит отражение и в современных реконструкциях плана Теночтитлана, в которых указывается то три, то четыре дамбы. Это разночтение порождено тем обстоятельством, что в процессе штурма Теночтитлана испанцы буквально стерли город с лица земли, а последующее колониальное строительство довершило картину разрушения.

Как бы то ни было, высота дамбы, согласно источникам, достигала «30 и более шагов», и делалась она из камня, «дерева и земли». Одни дамбы служили только для передвижений. Таковой была, например, южная дамба шириной в 5 ярдов, т. е. около 4,5 м, построенная при ацтекском правителе Итцкоатле жителями покоренного им г. Шочимилько и позднее неоднократно реконструировавшаяся. Дамба в нескольких местах прерывалась, чтобы вода не застаивалась и чтобы лодки могли беспрепятственно проплывать (пешеходы в этих местах проходили по специально построенным мостам)<sup>32</sup>. Аналогичную роль выполняла и дамба северного направления (из Теночтитлана в Тепеаку). Считается, что обе дамбы были реконструированы под руководством Несауалькойотля — правителя Тескоко и союзника Теночтитлана. «Перикла древней Мексики», как назвал его один из исследователей.

Кроме пешеходных дамб имелась дамба-акведук, по которой в Теночтитлан поступала пресная вода с материка. Э. Кортес писал, что по дамбе-акведуку было проложено два канала шириной в два шага, сделанных из известняка. Он сообщал также, что «толщина струи», т. е. потока воды, была объемом с человеческое тело. Каналы функционировали поочередно, поскольку периодически требовалось проводить очистку. Акведук доходил до самого центра города, и все жители пользовались водой из него<sup>33</sup>. Официальный историк испанского короля А. Эррера отмечал, что от главного водопровода шли ответвления в разные концы города, а у знати вода поступала прямо в дома.

Описывая материалы, из которых строился основной акведук и его ответвления, А. Эррера отмечал, что это была уплотненная земля («камень»), а трубы деревянные<sup>34</sup>. Вообще же строительство и обновление акведука как гидро-

технического сооружения первостепенной важности велось непрерывно. В более ранний период тело акведука делали из «земляных блоков», насыпей, столбов тростника, канал — из «глины» (глиняные трубы), а позже из более прочного камня и известняка.

При строительстве важны были верные расчеты. Достоверно известно, что нерасчетливое строительство акведука при Ауитсотле закончилось наводнением, частичным разрушением Теночтитлана и гибелью самого древнеацтекского правителя. Последний раз акведуки реконструировались незадолго до прихода испанцев. Воду для него брали из нескольких источников в районе Чапультепека на западном побережье оз. Тескоко<sup>35</sup>.

Теночтитлан фактически представлял собой гидротехническое сооружение, поскольку для благополучия этой «американской Венеции», осваивающей мелководье оз. Тескоко, необходимо было учитывать уровень воды, регулировать его, очищать малые и большие каналы от ила. Наиболее древняя центральная часть города располагалась на острове, а большинство домов находилось на освоенном мелководье. Именно поэтому основная часть улиц представляла собой либо просто канал, где можно было передвигаться только на лодке, либо наполовину каналы и наполовину своего рода тротуары. Через каналы ацтеки перебросили множество мостов. Некоторые из них были сделаны столь добротны, что по ним могла бы пройти упряжка лошадей<sup>36</sup>.

Теночтитлан — не единственный город, соединенный с материком искусственной дамбой. Город Куитлауака, располагавшийся на границе озер Шочимилько и Чалько, имел выход на север и юг в виде дамб, которые, впрочем, значительно уступали столичным<sup>37</sup>.

Источники сообщают, что многие города имели на удивление удачную планировку: в них предусматривались места для площадей, храмов, рынков. В этом отношении особенно выделялся, кроме Теночтитлана, конечно, южный город Шочимилько.

Можно понять восторг и изумление первых европейцев, которые увидели обширные и многолюдные ацтекские города<sup>38</sup>, поскольку средневековые города Европы, как известно, насчитывали в среднем несколько тысяч человек. Несомненная заслуга во всем этом принадлежала древнеацтекским мастерам-строителям. Некоторые из городов особенно славились такими умельцами. К их числу принадлежали Чималуакан, Коатепек, Тепетлаосток, Такубайя, Койоакан. Кстати, последний славился и мастерами, занимавшимися обустройством дорог. Хорошими строителями и каменотесами считались и жители Аскапотсалько.

Значительное место в жизни ацтеков, и не только древних, занимало дерево, точнее, изготовление предметов из него. Наиболее доступными и широко используемыми были дуб и сосна. Кроме них, разумеется, в дело шли и другие породы деревьев<sup>39</sup>. Плотники (ацтек. *quauhxiñqui* — столяр, мастер по дереву), ремесло которых входило в перечень важнейших строительных профессий, добывали древесину обычно сами, хотя в источниках есть упоминание и о дровосеках. Они различались по своему мастерству и делились на «хороших» и «плохих». Основным орудием и тех, и других являлся топор. Инструментарий в большинстве своем был не из металла. Правда, некоторые инструменты с использованием деталей из меди все же имелись у некоторых мастеров — топоры, сверла, долота. Умелый мастер мог работать ими отлично, прекрасно обрабатывая дерево.

Для скрепления деталей использовали шипы (колючки) агавы, выполняющие роль своего рода гвоздей. Столяры делали мебель (столы, стулья, колыбели) чаще из дуба, из него же изготавливали домашнюю утварь (ложки, миски и т. п.). Мебель, правда, использовалась только в богатых домах. Жители хижин ограничивались циновками. Многие индейцы и в колониальный период обходились без гамаков, кроватей, столов и стульев.

Индийская мебель была невысокой и, надо сказать, не произвела большого впечатления на европейцев. Сообщалось, например, что ложе Мотекусомы II не соответствовало пышности двора: на циновки или «солому» попросту укладывали множество одеял. Бедные вообще спали на «соломе» или циновках, а богатые на

одеялах (мягкие подстилки в виде тюфяков), под голову подкладывали камень, дерево или «тумбу из листьев пальмы»<sup>40</sup>. Из дерева производили и другие домашние вещи, в частности, встречается упоминание о деревянных сундуках.

Столяры и плотники принимали участие и в строительстве, и в художественном оформлении зданий. Так, в одном из исторических источников есть упоминание о деревянных фигурках, украшавших дворец правителя<sup>41</sup>. Плотники также делали долбленки, некоторые из которых вмещали до пяти человек. Хотя ремесло плотников не было редким, считалось, что самые талантливые из них жили в г. Шочимилько.

Важным занятием, а для некоторых и профессиональным, являлось изготовление различных плетеных изделий. Согласно данным XVI в., «многие травы» использовались как материал для плетения<sup>42</sup>. В частности, одним из основных материалов для плетения служил тростник (ацтек. *tule*). Из него делали важнейший предмет обихода — разнообразные циновки (испан. *petates*), как богато и тонко выделанные, так и самые непритязательные по виду. Циновками покрывали пол, на них спали, а также использовали в качестве грубых накидок при непогоде. Особенно славилась этими изделиями города Шалтокан, Сумпанго, Ситлалтепек, в окрестностях которых произрастал хороший тростник. Циновки плели также из листьев пальмы. Особенно тонкие делали из волокон агавы. Мастера изготавливали корзины разной формы и назначения. В качестве инструментов использовали колочки агавы и шило-проколку из кости<sup>43</sup>.

Древнеацтекские керамисты (ацтек. *ziquichiuqui*) не знали гончарного круга и тем не менее достигали неплохих результатов. Они использовали технику глазури, производили как полихромную, так и простую керамику; орнамент был в виде стилизованных птиц, растений, рыб и т. п. По форме и назначению керамика была разная — вазы большие и малые, горшки, кувшины с ручкой, глиняные жаровни и сковородки (ацтек. *comal*), сосуды для хранения продуктов, для ритуальных целей, например воскурений, и т. п.

Хотя глина, пригодная для производства керамики, была практически везде, в Мексиканской долине признанным центром керамического производства являлся г. Куаутитлан. Он, а также город-государство Чолула, не подчинявшийся власти Теночтитлана, сохраняли эту славу до наших дней. На производстве керамики хозяйственного назначения специализировались такие города, как Койоакан, Тескоко, Теотиуакан и Куаутитлан. Вместе с тем следует признать, что лучшую в древней Мексике керамику делали миштеки Оахаки. Даже в период наивысшего расцвета ацтекского государства лучшая керамика была неместного производства<sup>44</sup>.

Еще одним видом ремесленной деятельности в древнеацтекском обществе являлось кожевенное дело. Оно было развито в разных районах государства, однако необходимо подчеркнуть, что лучшие кожи в Мексике выделялись тарасками, потомки которых и ныне живут в штате Мичоакан (в древности территориально не входившем в границы ацтекского влияния). Тем не менее и то, что делали из кож ацтекские ремесленники, удовлетворяло вкусам и потребностям жителей государства, так как, по данным одного из авторитетнейших хронистов и историков раннеколониального периода Т. Мотolini, они умели выделять прекрасные кожи, которые были не хуже, чем в Кастилии. В качестве дубильного вещества использовали отходы человеческой жизнедеятельности, а также квасцы; мастера умели окрашивать кожи.

Сырьем служили шкуры как мелких животных (например, кроликов), так и крупных (олень и др.). Шкуры выделявали по-разному: сохраняя мех и ворс или удаляя их. В качестве иглы или шила при работе с кожей использовали колочки агавы. Из кожи делали самые разные вещи, прежде всего обувь (ее, правда, носили только представители верхних слоев общества). Обувь была без носка, но с пяткой и каблуком; ремни проходили между пальцами и укреплялись на щиколотке пуговицей. Обувь по возможности украшалась (например, правители носили обувь, сделанную из шкуры ягуара, украшенную золотом). Для предохранения ее смазывали растительными маслами.

Кроме обуви из кожи производили ремни, приспособления для ношения оружия у пояса или на груди, кожаные мешки. Шкуры носили в качестве накидок — дорогих и дешевых (правитель, например, носил накидку из шкуры ягуара). Кожи использовались и как писчий материал для написания пиктографических рукописей (кодексов). Перед нанесением рисунков и иероглифов пергамент обычно покрывали белой краской (на коже написан, например, такой индейский кодекс, как «Карта Тлотцина») <sup>45</sup>.

Тем не менее основная масса кодексов писалась на индейской бумаге, способы получения которой зафиксировали источники. Так, известно, что ее делали, используя в качестве сырья верхний тончайший слой пальмового листа; несколько таких слов соединяли с помощью растительного клея, добываясь нужной толщины и прочности. Получали бумагу и из коры (лыка) фигового дерева, индейской смоковницы (лат. *Ficus petiolaris*), которой знали до 12 видов. У индейцев смоковница называлась «аматль» (ацтек. *amatl*, или *amaquaitl*); отсюда происхождение и название местной бумаги. В 1570 г. доктор Ф. Эрнандес описал процесс изготовления бумаги из аматли. Сырье сначала замачивали, затем сдирали кожицу каменным ножом. Полученные полосы соединяли в слои по 5—6 штук, сушили на солнце, выравнивая в случае необходимости гладким камнем.

Непосредственно перед использованием аматль покрывали известковым раствором (ацтек. *xicaltetl*), который, заполняя поры и неровности, придавал ей чистый, привлекательный вид <sup>46</sup>. Полоски аматли обычно склеивали при помощи растительного клея (ацтек. *tzacuhtli*, лат. *Epidendron pastoris*), получая ленты разной длины; после нанесения клея закрепляли рисунок, покрывая его растительными или животными жирами. Есть мнение, что вся бумага делалась именно из аматли и именно описанным способом. Сведения же о ее производстве из агавы, идущие от Т. Мотилини и подхваченные многими исследователями последующего времени (А. Болтурины, А. Гумбольдтом, У. Прескоттом, Э. Зелером), являются ошибочными <sup>47</sup>. Однако не следует, очевидно, игнорировать приведенные выше данные, а также другие, содержащиеся в работах и сообщениях раннеколониальных авторов, которые касаются иных, кроме аматли, материалов для производства индейской бумаги.

Помимо использования бумаги в качестве писчего материала много ее шло на культовые цели. При ритуальных самоистязаниях кровь собирали в бумагу и затем сжигали перед идолами богов; на головы идолов надевали диадемы из бумаги (ацтек. *amacalli*, «дом из бумаги»). В ходе погребального обряда на мертвых клали шесть листов, на каждом из которых с помощью специальных пиктограмм изображались особые испытания и препятствия, какие душа якобы преодолевала в мире мертвых (например, один из листов должен был служить защитой от невероятно сильного и холодного ветра). Бумаги требовалось много, поэтому она входила в список дани, выплачиваемой разными районами. Бумагу делали везде, однако, как полагают, один из лучших ее сортов поставлял район нынешнего штата Морелос <sup>48</sup>.

Анализировать древнеацтекскую технологию прядения и ткачества трудно из-за отсутствия источников информации. В результате особенностей климата, а также трагического оборота событий во время Конкисты и раннеколониальный период не сохранились образцы доиспанской одежды или тканей. В европейских источниках раннего периода сохранились лишь отрывочные сведения об этой стороне материальной культуры. Правда, известно, что доиспанская технология использовалась в Мексике и некоторое время после завоевания. Сырьем для текстильного производства служил хлопок, волокна агавы (испанцы называли их *pequen*, или *henequen* — словами из языка индейцев таино) и реже волокно пальмы (ацтек. *iztol*).

В дошедших до нас сообщениях почти ничего не говорится об индустрии производства тканей из волокон агавы. Между тем именно они имели гораздо более широкое распространение, чем изделия из хлопка. После размягчения листа агавы и извлечения из него волокнистой части (нить могла быть разного

качества и толщины) индейцы ткали из нее холст порой настолько отменного качества, что один из авторов XVI в. даже сравнил его с голландским. Из волокон агавы делали также веревки, пояса, тряпичные сандалии (ацтек. *castli*, современ. *huagache*), а после испанского завоевания — отдельные детали конской сбруи <sup>49</sup>.

Что касается хлопка, то поскольку в Мексиканской долине в достаточном количестве он не рос, его сюда доставляли с юга либо в виде сырья (и доработка велась уже ацтекскими мастерами), либо готовых изделий. При изготовлении нити из хлопка использовалось веретено (ацтек. *tzaualoni*), состоящее из стержня и диска (ацтек. *malacatl*). Конец веретена помещали в сосуд, чтобы удобнее было вращать. Однако наиболее искусные мастера могли прядь даже при ходьбе. Диск веретена делали из камня или глины и часто украшали его узорами.

Ткацкие станки были двух типов. Первый из них, кстати, до сих пор используется в некоторых районах Мексики. Он предполагал прикрепление одного конца с основой к поясу мастера, другого — к дереву или столбу. На севере Мексики, однако, использовался преимущественно станок в виде жесткой рамы определенных размеров. Конечный продукт в том и в другом случае представлял собой сравнительно короткий и узкий кусок ткани (законченный со всех четырех сторон), который могли использовать без какой-либо доработки <sup>50</sup>.

Несмотря на сравнительную простоту технологии, мастера создавали прекрасные ткани, различавшиеся по своей текстуре. Это касается, например, использования пуха кроликов (ацтек. *tochomitl*) и перьев птиц. Делали как специальные нити из пуха кроликов, так и добавляли его при прядении хлопковой нити. Использовали пух с брюшка, поэтому он не терял качества при стирке и сохранял шелковистость. В изделиях из пуха кролика использовали естественные его цвета, а при необходимости эти изделия красили. Один из авторитетных раннеколониальных авторов, видевший такие изделия, писал, что индейская нить из пуха кролика была лучше аналогичной испанской <sup>51</sup>. Перья птиц вплетались в ткань и в процессе ткачества. В этом случае в качестве дополнительного орудия использовали иглы (шпы) агавы. По свидетельству очевидца, существовала и вышивка <sup>52</sup>, но, насколько нам известно, ткань с использованием золотой, а тем более шелковой нити, индейцы стали производить только после испанского завоевания.

Назначение тканей, изготовленных из разных материалов, было разнообразным. В частности, для продажи предназначались покрывала, ковры, накидки и проч. О стенах дворца Мотекусомы II, украшенных «обоями из чудесной ткани», писал Б. Диас. Он же сообщал о мягкой «мебели» правителя, обтянутой тканью, о столе, покрытом «тончайшей белой материей». Им же при описании трапезы Мотекусомы упоминаются полотенца и салфетки <sup>53</sup>. Особого размера куски хлопковой ткани использовались и как средство обмена в торговле.

Самое важное назначение этих тканей, безусловно, связано с изготовлением одежды. Причем она не отличалась особым разнообразием и тем более сложностью форм. Производство одежды тогда не включало в себя такую операцию, как крой. Ацтекские одежды состояли из несшитых кусков ткани, драпировавшихся на теле в виде набедренных повязок, плащей, накидок, юбок. Иными словами, основу составлял одинарный кусок ткани. Разница состояла лишь в его размере, качестве, цене. Набедренная повязка (ацтек. *machtlatl*) была основным видом одежды мужчин; иногда ее украшала отделка в виде кисточек, бахромы, каймы. Зимой мужчины носили накидки, мантии (ацтек. *tilmatl*), иногда для утепления подбивая их пером.

Ткани из хлопка предназначались для богатых, в то время как беднякам-простолюдинам предписывалось носить ткань из волокон агавы. Впрочем, одеяния из волокон агавы сохранили обрядовое значение. Так, во время обряда интронизации, наряду с надеванием дорогих одежд, обуви, украшений, на плечи правителя накидывали плащ из волокон агавы, украшенный золотом.

Основу женской одежды в доиспанский период составляла рубаха-юбка (ацтек. *huipilli*). В зависимости от традиций, материального достатка, а также времени года надевали одновременно две — четыре накидки разной длины, которые под-

держивались специальным кушаком (ацтек. *hēlpiloni*). Головных уборов обычно не носили, завязывая при этом волосы узлом, но с учетом климата и времени года использовали что-то вроде «шапок из пуха разного цвета»<sup>54</sup>.

Прядение и ткачество были женским занятием, хотя, как считают некоторые исследователи, ими занимались и мужчины. Исторически сложилось так, что в древнеацтекском государстве лучшие ткани производили не там, где рос хлопок. Самые тонкие хлопковые ткани производились в г. Тескоко. Более простые, но зато более добротные поставлял г. Костатлан (он находился за пределами Мексиканской долины, на территории современного штата Веракрус)<sup>55</sup>.

Тесно связанной с ткачеством была работа с пером, которая для некоторых превращалась в самостоятельный вид деятельности. Мастера, так называемые амантеки (ацтек. *amanteca*, *amantecatli*), достигли в ткачестве больших результатов. И как заверяли раннеколониальные источники, их изделия красотой превосходили «всякое человеческое воображение»<sup>56</sup>. Действительно, изделия из перьев или с использованием пера нередко из категории ремесленных изделий попадали в разряд произведений прикладного искусства.

Возможно, центральноамериканский вариант работы с пером возник у майя еще в доклассический период (в тропиках обитало достаточно птиц с разноцветными перьями). В дальнейшем искусство было подхвачено сапотеками, миштеками. В пределах Мексиканской долины и сопредельных с ней территорий это ремесло, граничащее с искусством, позднее было развито создателями классической культуры Теотиуакана, а в послеклассический период — тольтеками. И наконец, в материальной культуре и искусстве ацтеков оно заняло весьма заметное место.

Красота изделий из пера зависела от мастерства работника и от качества материала. Наиболее обычными были перья уток, гусей, как диких, так и специально для этих целей содержавшихся. Для изготовления более дорогих изделий использовались перья экзотических южных птиц. Среди ценимых и наиболее дорогих были перья кетсалья (ацтек. *quetzal*), попугая (ацтек. *toztli*), розовой и серой цапли (ацтек. *aztatl*) и др. Перья прикрепляли к изделию особыми клеящими веществами, создавая своего рода мозаику. С помощью такой техники мастера создавали настоящие живописные полотна с изображением животных, цветов, образов правителей и богов, делали пояса, украшения, надевавшиеся на руки, ноги и др. Особые знаки отличия из перьев носили воины, отличившиеся в бою. Амантеки делали и различного рода штандарты, под которыми воины шли в бой.

Многочисленными и разнообразными были и специальные торжественные или ритуальные одежды, созданные с использованием перьев редких птиц. Они имели даже свои специальные названия: «божественный костюм» (ацтек. *tequemētl*), «костюм из перьев кетсалья» (ацтек. *quetzalquematl*), «костюм из перьев колибри» (ацтек. *uitziliquematl*), «костюм из голубых перьев» (ацтек. *xiuhtosoquematl*) и др. В подобные одеяния обычно облачали и идолов. Многие из таких костюмов вместе со специальными штандартами — головными уборами (в случае необходимости они прикреплялись к спине или плечам) определенной формы и вида — носили воины, жрецы и др. Всего известно до 12 видов таких уборов.

Важным элементом торжественного одеяния были и богато украшенные щиты, на которых исследователи, изучавшие их изображения в пиктографических рукописях, выделили до семи видов традиционного орнамента. Все эти изделия производились как в центре (например, в Тлателолько, Петлалко, Куаутитлане), так и на юге Мексики (к примеру, в Точтепеке)<sup>57</sup>.

Обширная военная деятельность государства требовала большого количества оружия, поэтому производство его было важным видом ремесла в структуре материального производства. Древнеацтекское оружие предназначалось главным образом для самозащиты, захвата в плен врага, а не его убийства в бою. Как защитное, так и наступательное оружие делалось с использованием дерева, кожи, ткани, ваты, перьев, золота, серебра, меди. При изготовлении оружия применялись разнообразные клеи. Иногда мастера добавляли в них кровь животных и

птиц, а также песок (ацтек. *teuxale*) — особенно прочный по структуре, «твердый, как алмаз». Этот клей приклеивал «навечно», и оружие при ударе не рассыпалось<sup>58</sup>.

Наступательным оружием у ацтеков являлись разной длины копья с обсидиановыми или медными наконечниками (ацтек. *tepuztopilli*), дротик с металлическим приспособлением (*atlatl*), дротик-трезубец (*tlatzontecatli*), палица (макавна), с двух или четырех сторон имевшая в качестве режущей части обсидиановые лезвия, лук (*tlahuittolli*) и стрелы (*mitl, tzouaquimitl*) с наконечниками из обсидиана, кремния, животных или рыбьих костей, праща (*tematlatl*) и деревянная дубина (*cuauhololli*). Орудием защиты являлся щит (ацтек. *chimalli*) круглой или овальной формы. Деревянную основу подбивали хлопком, покрывали кожей, черепаховыми панцирями, украшали медными, золотыми или серебряными деталями, драгоценными камнями, перьями в соответствии с рангом владельца и по его желанию. Испанцы сообщали, что некоторые щиты выдерживали выстрел из арбалета.

Предохраняли воинов латы (ацтек. *ichcahuipilli*), которые представляли собой подбитую толстым слоем хлопка, в полтора-два пальца, рубаху, своего рода ватник, также украшенный в зависимости от заслуг владельца перьями и драгоценностями. Для защиты служило и одеяние типа туники (ацтек. *ehuatl*), длина которого зависела от ранга и социальной принадлежности воина (у простолюдинов такая туника была выше колен, у знатных — ниже). Рядовым воинам разрешалось носить длинное одеяние только в случае, если необходимо было скрыть следы ран, шрамы. Воины надевали также особые защитные накидки из волокон агавы. Их замачивали в жидком маисовом тесте и высушивали, отчего они превращались в своего рода разновидность панциря. Ноги предохраняли специальные защитные пластины (ацтек. *cozehuatl*), которые делали из кожи и украшали золотом, серебром, драгоценными камнями и перьями. Деревянные шлемы, украшаемые столь же богато, делали в виде голов змей, волков, ягуаров и др.

Внешний облик воина определяли и знаки отличия в виде украшенных особых палок или жердей. Такие знаки прикреплялись к спине, но поскольку были довольно громоздкими, их чаще надевали в ходе ритуалов, как собственно и тяжеловесные шлемы, а не во время боя. В круг обязанностей мастеров-оружейников входило также изготовление специальных чучел (чаще из дерева, но иногда из камня), необходимых для тренировки воинов. Как и другие виды ремесленных изделий, оружие и воинские принадлежности служили предметами купли-продажи<sup>59</sup>.

Наконец, нельзя не упомянуть, хотя бы коротко, о том, что мастерство ремесленников проявлялось и в создании музыкальных инструментов, которые, конечно же, играли огромную роль в обряде и ритуале, в том числе связанном с военным делом. Для изготовления музыкальных инструментов использовались традиционные материалы — дерево, кожа. Больше всего было, видимо, барабанов (ацтек. *teponaztli*), которые выдалбливали из цельного дерева (в источниках упоминается, в частности, «сияющее», «блестящее» дерево — (ацтек. *tlacuillotl* *cuauhtli*)<sup>60</sup>. Встречается также большой вертикальный барабан (ацтек. *huehuatl*), обтянутый кожей гигантской змеи<sup>61</sup>. Роль ударных инструментов выполняли панцири морских черепах. Из них же, а также из различных костей делали трещотки. Индейцы того наки из Семпоалы, на побережье Мексиканского залива, поставляли панцири таких черепах, а также морские раковины, которые выполняли роль духовых инструментов. Нередки были и глиняные флейты, которые, вероятно, изготавливали керамисты<sup>62</sup>. В обрядах использовали и бубенчики, которые делали мастера по обработке металлов.

Картина ремесел, думается, дает наглядное представление, с одной стороны, о достижениях, с другой — об ограниченности этого вида производительной деятельности в древнеацтекском обществе. Конечно, отсутствие колеса и гончарного круга, широкого проникновения металла — серьезный тормоз на пути прогресса ремесла, а значит, и производительных сил общества в целом. Но подобно тому, как в древнемексиканском земледелии отсутствие развитых орудий труда возмещалось активным развитием и применением наиболее передовых для своего

времени примеров аграрной технологии (использование так называемых чинами — искусственных грядок, удобрений в виде ила, тины, жнивья), в ремесле это компенсировалось высокой для древнего общества концентрацией рабочей силы, поскольку с ремеслом в той или иной степени было связано почти все население государства, занятое в материальном производстве<sup>63</sup>.

По-разному сложилась судьба местных ремесел с приходом европейцев. Некоторые их виды, например производство индейской бумаги, изготовление изделий из перьев, постепенно зачахли, а более универсальные (гончарное дело, ткачество и др.), усвоив достижения пришельцев, стали частью материальной культуры новой, колониальной Мексики.

#### Примечания

<sup>1</sup> León-Portilla M. Minería y metalurgia en el México antiguo//La minería en México; estudios sobre su desarrollo histórico. México, 1978. P. 25.

<sup>2</sup> Motolinía T. B. Memoriales. Madrid, 1970. P. 98; Noguera F. La metalurgia en Mesoamérica// Cuadernos americanos. 1966. V. 25. № 4. P. 127; Pollard H. P. The political economy of prehispanic tarascan metallurgy//American antiquity. 1987. V. 52. № 4. P. 743.

<sup>3</sup> Sahagún B. Historia general de las cosas de Nueva España. V. 3. Libro 9. Mexico, 1956. P. 67 — 72; Motolinía T. B. Op. cit. P. 98.

<sup>4</sup> Hosler D. Ancient west mexican metallurgy; south and central american origins and west mexican transformation//American anthropologist. 1988. V. 90. № 4. P. 850.

<sup>5</sup> Brinton G. P. The metal industry of the aztecs//American anthropologist. 1925. V. 27. № 4. P. 551.

<sup>6</sup> Cortés H. Cartas y documentas. México, 1963. P. 72.

<sup>7</sup> Herrera A. Historia general de los castellanos en las islas y Tierra-firme de el Mar Oceano. V. 2. Buenos Aires, 1955. P. 229—230.

<sup>8</sup> Gomara F. L. Historia de la Conquista de México. V. 2. Mexico, 1943. P. 246.

<sup>9</sup> Кинжалов П. В. Ацтекское золотое нагрудное украшение. К вопросу о ювелирном искусстве древней Мексики//Сб. МАЭ. Т. XIX. Л., 1960. С. 206—220; Sahagún B. Op. cit. P. 67—72.

<sup>10</sup> Sahagún B. Op. cit. P. 67—72.

<sup>11</sup> Диас Б. Записки солдата//Егоров Д. Н. Записки солдата Берналя Диаса. Л.; М., 1924—1925. С. 137, 140; Durán D. The history of the Indias of New Spain. N. Y., 1964. P. 177—178; Zuazo A. Carta del licenciado Alonso Zuazo al padre Fray Luis de Figueroa, prior de la Mejorada//Colección de documentos para la historia de México. 1971. V. 1. P. 362; Cortés H. Op. cit. P. 72; Pendergast D. M. Metal artifact in prehispanic Mesoamerica//American antiquity. 1962. V. 27. P. 521.

<sup>12</sup> Katz F. Situación social y economía de los aztecas durante los siglos XV y XVI. México, 1966. P. 25.

<sup>13</sup> Диас Б. Указ. раб. С. 144.

<sup>14</sup> Motolinía T. B. Op. cit. P. 98; Herrera A. Op. cit. P. 230.

<sup>15</sup> Herrera A. Op. cit. P. 230.

<sup>16</sup> Диас Б. Указ. раб. С. 144.

<sup>17</sup> Durán D. Op. cit. P. 212; Motolinía T. B. Op. cit. P. 84.

<sup>18</sup> El Conquistador anónimo. Relación de algunas cosas de Nueva España y de la gram ciudad Temestitlán-México; escrita por un compañero de Hernán Cortés//Colección de documentos para la historia de México. México, 1971. P. 381.

<sup>19</sup> Herrera A. Op. cit. P. 221; Gomara F. L. Op. cit. P. 246—247, 257—258.

<sup>20</sup> El Conquistador anónimo... P. 370, 382; Cortés H. Op. cit. P. 72.

<sup>21</sup> Motolinía T. B. Op. cit. P. 98—99; Herrera A. Op. cit. P. 232.

<sup>22</sup> Gibson Ch. The aztec under spanish rule. A History of indians of the Valley of Mexico, 1519—1810. Stanford, 1964. P. 335.

<sup>23</sup> Herrera A. Op. cit. P. 212.

<sup>24</sup> Anaya Sarmiento R. Nezahualcōytl. México, 1966. P. 33—35.

<sup>25</sup> Zorita A. Breve y sumaria relación de los señores de la Nueva España. Mexico, 1942. P. 65.

<sup>26</sup> Диас Б. Указ. раб. С. 142; Herrera A. Op. cit. P. 212.

<sup>27</sup> Диас Б. Указ. раб. С. 133; Gomara F. L. Op. cit. P. 247.

<sup>28</sup> Herrera A. Op. cit. P. 212; Carrasco P. El temazcal//México prehispánico. México, 1946. P. 737—741.

<sup>29</sup> Cortés H. Op. cit. P. 74; Herrera A. Op. cit. P. 233.

<sup>30</sup> Motolinía T. B. Op. cit. P. 44—45.

<sup>31</sup> Motolinía T. B. Op. cit. P. 45.

<sup>32</sup> Cortés H. Op. cit. P. 72; Диас Б. Указ. раб. С. 133—149.

<sup>33</sup> Cortés H. Op. cit. P. 72; El Conquistador anónimo... P. 391.

<sup>34</sup> Herrera A. Op. cit. P. 224—225.

- <sup>35</sup> Historia de Tlatelolco desde Idos tiempos mas remotos // Anales de Tlatelolco. México, 1948. P. 61; *Wiske Ch. R.* Escultura imperialista mexicana; el monumento del Acuecuexcal de Ahuítzotl // Estudios de cultura nahuatl. V. 17. Mexico, 1984. P. 54; *Peterson F. A.* Lex Mexique precolombien. P., 1976. P. 109; *Durán D.* Op. cit. P. 47—48; *Sahagún B.* Op. cit. P. 284.
- <sup>36</sup> El Conquistador anónimo... P. 391—392.
- <sup>37</sup> *Gibson Ch.* Op. cit. P. 12.
- <sup>38</sup> *Дуак Б.* Указ. паб. С. 149; El Conquistador anónimo... P. 370.
- <sup>39</sup> *Gibson Ch.* Op. cit. P. 250, 351; *Sanders W. T., Parsons J. R., Santley R. C.* The basin of Mexico; ecological process in the evolution of civilization. N. Y., 1979. P. 293.
- <sup>40</sup> Codex Mendoza // *Mendoza A.* Codex Mendoza. V. 1. Oxford, 1938. P. 89; *Castillo F. V. M.* Estructura económica de la sociedad mexicana. México, 1972. P. 64; *Carrasco P.* Lasociedad mexicana antes de la conquista // Historia general de Mexico. V. 1., Mexico, 1981. P. 224.
- <sup>41</sup> *Gómara F. L.* Op. cit. V. 2. P. 246; *ibidem.* V. 3. P. 247, 288, 292; *Sahagún B.* Op. cit. P. 144—115; El Conquistador anónimo... P. 380—381, 392.
- <sup>42</sup> *Motolinía T. B.* Op. cit. P. 100.
- <sup>43</sup> *Cortés H.* Op. cit. P. 73; *Sahagún B.* Op. cit. V. 2. P. 70; *ibidem.* V. 3. P. 134—135, 139—140, 142, 146—154.
- <sup>44</sup> *Cortés H.* Op. cit. P. 73; *Gómara F. L.* Op. cit. P. 257; *Jimenez Moreno W., Miranda J., Fernandez M. T.* Historia de México. México, 1971. P. 149.
- <sup>45</sup> *Motolinía T. B.* Op. cit. P. 98—99; *Gómara F. L.* Op. cit. V. 2. P. 292; *Sahagún B.* Op. cit. V. 3. Libro 10. P. 147, 154.
- <sup>46</sup> *Peterson F. A.* Op. cit. P. 279—280; *Lenz H.* El papel precortesiano // México prehispánico. México, 1946. P. 695—696; *Baudot G.* Les lettres précolombiennes. Toulouse, 1976. P. 30.
- <sup>47</sup> *Hagen V. M.* The aztec and maya papermakers. N. Y., 1944. P. 1—2.
- <sup>48</sup> *Riley G. M.* El prototipo de la hacienda en el centro de México; un caso del siglo XVI // Haciendas, latifundias y plantaciones en America Latina. México, 1975. P. 51; *Aguilera X.* Algunos datos sobre el chapopote en las fuentes documentales del siglo XVI // Estudios de cultura náhuatl. V. 14. México, 1980. P. 342. *Duverger Ch.* L'esprit du jeu chez les aztèques. P., 1978. P. 269.
- <sup>49</sup> *Gómara F. L.* Op. cit. P. 292; *Motolinía T. B.* Op. cit. P. 100; *Cook de Leonard C.* La indumentaria y el arte textil prehispánico // Artes de México. 1966. V. XIII. № 77—78. P. 5, 38.
- <sup>50</sup> Codex Mendoza. P. 89.
- <sup>51</sup> *Motolinía T. B.* Op. cit. P. 103.
- <sup>52</sup> *Дуак Б.* Op. cit. С. 144.
- <sup>53</sup> Там же. С. 133, 142.
- <sup>54</sup> El Conquistador anónimo... P. 376; *Anavalt P.* Costume and control aztec sumptuary // Archaeology. 1980. V. 33. № 1. P. 30.
- <sup>55</sup> *Motolinía T.* Op. cit. P. 99; *Anavalt P.* Op. cit. P. 37.
- <sup>56</sup> Codex Mendoza. P. 89; *Zuazo A.* Op. cit. P. 360.
- <sup>57</sup> *Sahagún B.* Op. cit. V. 3. Libro 9. P. 81—82; Libro 10. P. 91—92; *Broda J.* El tributo en trahes guerreros y la estructura del sistema tributario mexicana // Economía política e ideología en el México prehispánico. México, 1978. P. 120—145.
- <sup>58</sup> El Conquistador anónimo... P. 373; *Herrera A.* Op. cit. V. 3. P. 217—218.
- <sup>59</sup> *Sullivan T. D.* The arms and insignia of the maxica // Estudios de cultura náhuatl. V. 10. México. 1972. P. 156—190; *Monjarás-Ruiz J.* Panorama general de la guerra entre los aztecas // Estudios de cultura náhuatl. V. 12. México. 1976. P. 241—260.
- <sup>60</sup> *Sahagún B.* Op. cit. V. 3. Libro 11. Cap. 6. P. 3.
- <sup>61</sup> *Дуак Б.* Указ. паб. С. 150.
- <sup>62</sup> *Durán D.* Op. cit. P. 114, 212.
- <sup>63</sup> Подробнее см.: *Баглай В. Е.* Социально-классовая структура древнеацтекского общества // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 169—196.

## Aztec handicrafts

The description of the different kinds of handicraft in the pre-Columbian Aztec society is presented. The author points out, in particular, that the absence of a wheel and a potter's wheel was a rather serious factor that restricted opportunities for the development of Aztec economy.

V. E. Baglai